

Языков, добрый мой приятель

Начало 19 века. Время это для России оказалось сложным. Только что началось время царствования Александра I, наполненное противоречивыми социальными процессами и многими грандиозными событиями. В стране появились первые министерства, состоялась первая русская кругосветная экспедиция И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского, свершилось несколько войн, в том числе и самая значительная – Отечественная война против наполеоновской агрессии. Неизбежно нарастала интенсивность и глубина духовной жизни общества. В головах просвещенных людей все больше и отчетливее крепло осознание необходимости совершенствовать существующее устройство жизни, возникали многие другие острые, а подчас и неудобные вопросы. Страна страстно хотела перемен, зримо и неизбежно переходила из детского периода своего развития в подростковый. Зримо начало проявлять себя стремление к осмыслению происходящих в обществе и душах людей процессов, появлялась тяга и умение ставить и отвечать на трудные вопросы, творить новую научную и духовную реальность, постигать тайны внутреннего мира человека, скрытые от посторонних глаз пружины движения его души.

Это, в свою очередь, предопределило стремительное развитие русской литературы. Совсем неслучайным поэтому был и взлет в ту эпоху поэзии, зримыми чертами которого стали небывало возросшая техника стихосложения, яркое образное слово, концентрирующее в себе сгустки глубоких раздумий, ярких чувств, боль за любезное Отечество.

Эти годы стали и началом земного пути нашего земляка, одного из самых крупных поэтов пушкинского созвездия Николая Михайловича Языкова. Путь этот, увы, оказался очень недолгим – всего 43 года, но сила таланта, заложенная в нем нашей поволжской землей, оказалась настолько мощной, яркой и неукротимой, что вывела его творческую звезду в самый зенит небосклона российской поэзии.

Волею времени и судьбы он оказался на стремнине литературного процесса в ответственный период становления классической русской литературы среди величайших своих современников. Карамзин, Рылеев, Жуковский, Грибоедов, Батюшков, Дельвиг, Баратынский, Давыдов, Пушкин, Лермонтов – вот коллеги, друзья и, в какой-то мере, его соперники на поприще поэзии. Среди этих великих имен звезда таланта Николая Языкова не только не меркла, но горела завидно ярко, позволив ему вложить в становление классической традиции свой немалый камень. Он не был ни записным светским львом, ни лихим покорителем женских сердец, ни пресным праведником, но пользовался на Руси известностью и даже славой, какие даются очень немногим.

А любить Языкова было за что. Яркая запоминающаяся рифма, стройная звучная ритмика, оригинальный образный ряд, глубина и искренность чувств – характернейшие свойства его поэтических произведений.

Синее влажного ветрила
Над Волгой туча проходила;
Ревела буря; ночь была
В пучине зыбкого стекла;
Порой огонь воспламенялся
Во тме потопленных небес;
Шумел, трещал прибрежный лес
И, словно Волга, волновался.

Волшебные по своей выразительности и живописности строки. А за ними – талант и удивительно проникновенное отношение к родному краю нашего симбирского поэта. Да-да, именно симбирского. Свою малую родину Николай Языков любил особенно трепетно и нежно:

Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихие непогоды,
Твои леса, твои луга,
И Волги пышные брега,
И Волги радостные воды –
Всё мило мне, как жар стихов,
Как жажда пламенная славы,
Как шум прибрежной дубравы
И разыгравшихся валов.

Эти идущие из самых сокровенных глубин души слова – о нашей с ним родной земле, её нивах и пахитях, красавице Волге; не верить им, сомневаться в искренности поэта они не позволяют. Их хочется слушать, в резонанс с ними рефлексировать, воображать, напевать. Собственно, так было и раньше: десятки стихотворных текстов Николая Языкова стали песнями и романсами. Есть среди них и очень известные: «Влюблен я, дева-красота», «Молитва», «Война, война...», «Из страны далекой». А стихотворение «Пловец» было положено на музыку различными композиторами в нескольких вариантах.

Особую роль в творчестве поэта занимает тема Волги, моря, воды. И везде и всегда – это непостижимая красота, которая «струится и блещет, светло как хрусталь», сердито кипит, свирепо бушует. Но человек находит с ней общий язык, он не только выживает в этой стихии, он её укрощает, покоряет, в ней и с ней живет.

Николай Языков не отличался особой экспрессивностью, но во многих его стихотворениях слышится бесшабашная молодецкая удаль, неукротимая жажда жизни, любви, радости. Однако жизнь далеко не всегда была к нему милостивой и доброй. Не прошли мимо него дни печали, разочарований, болезней, отчаяния и горя. Но поэт Языков находил в себе силы их преодолевать. В один из таких дней он написал:

Молю святое провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.

И сердце каменело, давало столь необходимые силы, примиряло с болезнью, с жестоким миром, с судьбой.

А ныне!.. Всё переменилось,
Жизнь и поэзия моя! –
Гляжу печальными глазами
На вялый ход мне новых дней...

Впрочем, эти грустно-созерцательные ноты не мешали Николаю Михайловичу зорко смотреть на окружающую действительность, видеть её изъяны и боли. Не сохранилось фактов, свидетельствующих о его отношениях с декабристами, но в своем стихотворении «Извиненье», написанном в многозначительную дату – 20 декабря 1825 года, он отчетливо и прямо заявляет:

Предвижу царство пустыни
И прозаические годы...
Во имя Бога и природы,
Не веря сердцу и уму,
Уже сбегаются народы
К позолоченному ярму...

Вот таков он, наш великий земляк Николай Языков: умный, застенчивый, порой робкий, не лишенный среднерусской ленцы, но он же и азартный, и влюбчивый, и смелый, умеющий быть верным товарищем и другом. Вслед за Пушкиным хочется сказать:

– Языков, добрый мой приятель... Спасибо, что ты был.

Вячеслав Егоров